

УДК 1

DOI: 10.32837/apfs.v0i24.869

Людмила Николаевна Сумарокова

кандидат философских наук, доцент кафедры философии

Национальный университет «Одесская юридическая академия», г. Одесса, Украина

ИСТИННОСТЬ И РАЦИОНАЛЬНАЯ ПРИЕМЛЕМОСТЬ

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения понятий «истинность» и «рациональная приемлемость» с помощью анализа некоторых идей Г. Харта и Ю. Хабермаса. Автор приходит к выводу, что нельзя ограничиваться лишь констатацией различия этих понятий, в том числе, констатацией их соотношенности либо с дескриптивным, либо с недескриптивным способами употребления языка. Это приводит к вытеснению понятия истинности и к замене его понятием рациональной приемлемости во многих практических контекстах. А между тем понятие рациональной приемлемости содержит в себе императив стремления к истине как свой «скрытый параметр».

Ключевые слова: истинность, рациональная приемлемость, отменяемость, вменяемость, коммуникативная рациональность.

Постановка проблемы. Вопрос о методологической роли понятий «истинность» и «рациональная приемлемость», а также о их соотношении активно обсуждается в «неклассических» и «постнеклассических» философских парадигмах; диапазон предлагаемых при этом ответов достаточно широк: от точек зрения, полностью субъективирующих и релятивизирующих любую теоретическую и практическую значимость обоих этих понятий, до противоположных – признающих их безусловную базовую ценность для освоения мира человеком.

Попытки разобраться в этой проблеме привели меня к двум выводам. Во-первых, к выводу о целесообразности рассмотрения тех «срединных» точек зрения, которые избегают крайностей и ищут решения, релевантные разным ситуациям человеческого бытия и разным поставленным при этом целям. Во-вторых, к выводу о том, что обсуждаемая проблема меньше всего является чисто теоретической, поскольку само ее возникновение напрямую связано с поиском практических ответов на вызовы нашего «переходного», «пограничного», «кризисного» времени. Эти эпитеты, передающие наше переживание времени, нередко сопровождаются и другими: «смутное», «непонятное», «непредсказуемое», так или иначе ставящими под сомнение рациональность и мира, и нашего поведения.

Цель статьи. В соответствии с этими выводами главной целью данной статьи является а) анализ и оценка по крайней мере двух таких «срединных» позиций, представленных в философии права Герберта Харта и в концепции коммуникативной философии Юргена Хабермаса; б) попытка осмыслить степень ответственности философов за практические последствия тех теоретических констатаций о соотношении данных понятий, которые ими предлагаются. Г. Харт обосновывает необходимость различать «истинность» и «приемлемость» понятий в зависимости от контекстов их употребления, а Ю. Хабермас показывает их глубинную взаимосвязь, неустранимо присутствующую в любых контекстах, во всех коммуникативных дискурсах.

Истинность и приемлемость в понимании Г.Л.А. Харта

Г. Харт опирается на кантовскую идею об ограниченности сферы применимости понятия истинности и разграничивает теоретический и практический способы использования терминов в юриспруденции. Теоретическое употребление понятий Г.

Харт видит во включенности их значений в универсум знаний, а практическое – в универсум действий. В первом случае важна истинность как соответствие понятий действительности, в во втором – приемлемость как согласованность действия с принятыми в социуме нормами поведения.

Уже в одной из своих ранних работ [1] Харт указал на специфику употребления слов и выражений в таких юридических текстах и, соответственно, практических действиях как исковые заявления, обвинительные акты, признания, решения суда, приговоры и т.п. Речь идет о различении дескриптивных и недескриптивных смыслов выражений.

Например, предложения формы «Это сделал он» традиционно считается дескриптивными, то есть воспроизводящими реальное положение дел, констатирующими факт. Однако в действительности, отмечает Г. Харт, это не только не единственная, но и не главная их функция: «Их основная функция, которую я рискну назвать аскриптивной, буквально заключается в том, чтобы приписывать ответственность за действия [1, с. 27]. Подобным образом функция выражений формы «Это – моё», «Это – твоё», «Это – его» состоит в приписывании (или признании) права собственности, равно как выражения типа «Это теперь его» – в передаче (переходе) права собственности и т.п. [там же]. Иными словами, за этими выражениями признается, кроме функции сообщения знания о действительности, еще и функция осуществления некоторого действия говорящего субъекта: субъект приписывает, передает право или ответственность; он претендует на право, он признаёт, возлагает ответственность. При таком – аскриптивном – употреблении языковые выражения не являются, строго говоря, ни истинными, ни ложными. Они могут быть либо приемлемыми, либо неприемлемыми – на каких-то основаниях, при определенных условиях. «Наше понятие действия, подобно понятию собственности, является социальным понятием и логически зависит от принятых правил поведения» [1, с. 47].

При дескриптивном употреблении фиксируется гносеологический аспект правовых выражений, нацеленный на сообщение знания и установление его истинности. Например: «этот участок земли квадратный». При аскриптивном употреблении важен прагматический аспект, фиксирующий определенное притязание субъекта, включенного в социальное отношения – например: «этот участок земли приватизирован». Правоведы в этих случаях признают существование «деятельностных слов» (*operative words*), а Дж.Л. Остин – перформативов, в которых действие не описывается, а осуществляется: «Я дарю этот участок». В случае перформативов, отмечает Харт, употребляется настоящее время, а «аскриптивное употребление применяется в основном в прошедшем времени, где глагол часто и вневременен, и прямо указывает на прошлое как отличное от настоящего» [1, с. 45]. Это представляется вполне естественным, так как аскриптив касается уже совершенного действия, а перформатив – действия, совпадающего по времени с говорением (слово = действие). Харт называет «фундаментальной ошибкой» сведение процесса принятия юридического решения к привычной формуле: «факты + нормы права → юридические следствия из фактов», поскольку эта формула игнорирует действия субъектов, в том числе действия, состоящие в приписывании права или ответственности, что особенно важно для определения юридической значимости. Эти наблюдения Харта нельзя назвать чисто языковыми, поскольку он видит разную логику употребления понятий: в теоретических контекстах важно фиксирование позитивного знания, в том числе знания о необходимых и достаточных признаках изучаемого объекта, соотнесение последних с установленными фактами; в отличие от этого, в практических юридических контекстах в центре внимания находится именно действие, предполагающее правила и исключения из них. Возможность исключения Г. Харт называет отменяемостью и считает, что она

присуща любому аскриптивному выражению. Термин «отменяемость» взят автором из практики функционирования имущественного права. Имущественное право «подлежит прекращению или отменяется при ряде различных случайных обстоятельств, но остается неприкосновенным, если таких непредвиденных обстоятельств нет» [1, с. 31]. Харт рассматривает, в частности, юридическое понятие «договор» как типичное аскриптивное, а значит – отменяемое понятие. Практика применения этого понятия предполагает учет позитивной части – притязаний, обязательств, выраженных договором, и критической части – поиска возражений против этих обоснованных притязаний и обязательств. Автор обращает внимание на то, что возражения могут быть весьма разнообразными. Они могут касаться процедур использования знаний и указывать, например, на намеренное или ненамеренное введение в заблуждение или умышленное сокрытие фактов. Возражения могут затрагивать волю субъекта, в частности, указывать на принуждение или злоупотребление влиянием, невменяемость, опьянение. Наконец, возражения могут касаться внешних по отношению к данному действию факторов – например, противоречие договора принципам общей политики права или могут быть связанными с «невозможностью выполнения» или с «сорвавшимся договором» вследствие непреодолимых и непредвиденных обстоятельств [1, с. 32]. Теоретики иногда делают попытки ввести в число необходимых внутренних признаков и условий договора (то есть в его дескриптивную часть) соблюдение неких общих правовых принципов, например, такого: «согласие должно быть подлинным, полным и свободным» [1, с. 34]. На это Харт возражает, что данный принцип является верным, «только если рассматривается в качестве сжатого указания на возражения, согласно которым притязания договора могут быть ослаблены или оспорены» [1, с. 34]. Иными словами, предикаты «подлинный», «полный», «свободный» – аскриптивные, а значит отменяемые понятия.

Процессы построения дескриптивных и аскриптивных выражений существенно различны: дескриптивные направлены на субъект-объектное отношение, здесь важна оппозиция объективно истинного и объективно ложного знания, а аскриптивные направлены на субъект-субъектные отношения, и здесь важно различие среди вариантов возможного поведения обязательных и случайных, то есть жестко детерминированных правилами и слабо детерминированных или недетерминированных (свободных) действий. В логической теории наиболее изученными являются дескриптивные высказывания, несколько менее – недескриптивные, а еще менее исследовано соотношение между ними внутри дискурса.

Преобладание в практических контекстах юриспруденции аскриптивных способов употребления понятий, как стало казаться многим, приводит к выводу о неприменимости здесь критерия истинности. Во всяком случае, юристы склонны весьма осторожно относиться к требованию истинности доводов о доказательстве. Так, Т.В. Лукашкина, не отрицая в целом важности понятия истины, высказывает предположение, что даже при оценке фактических данных требование истинности нельзя считать безусловно обязательным, поскольку полно и точно выяснить все обстоятельства часто не представляется возможным. К тому же нельзя отрицать элементов конвенциональности при понимании того, что считать истинным, приемлемым. Об этом говорит наличие принятых в сообществе юристов определенных правил, например, при наличии сомнений толковать их в пользу обвиняемого; признать обвиняемого невиновным в случае недостаточности доказательств виновности и т.д. [2, с. 90, 165]. Не следует ли признать, что понятие истинности, по сути дела, заменено в юриспруденции понятием рациональной приемлемости (приемлемости, обусловленной соблюдением некоторых заранее принятых условий и правил)? В пользу

утвердительного ответа на этот вопрос можно привести тот факт, что из существующего криминального кодекса исчез сам термин «истина».

Так или иначе, позиция, занимаемая Г. Хартом и его единомышленниками, привлекает внимание к тому обстоятельству, что смысл юридических терминов и выражений гораздо более сложен, чем это ранее казалось: в нем могут присутствовать перформативы, а также дескриптивные и аскриптивные моменты, – как по отдельности, так и вместе – с разной степенью выраженности и доминирования. Их неразличение ведет к ошибкам при практическом использовании.

Юрген Хабермас о соотношении истинности и рациональной приемлемости

Ю. Хабермас рассматривает эту проблему в более широком философском контексте. Суть его позиции состоит в том, что требование истинности не исчезает и не может игнорироваться, поскольку оно неустранимо – хотя часто неявно – присутствует как обязательный регулятив и в теоретических, и в практических контекстах уже в силу того обстоятельства, что рассмотрению этих контекстов в качестве предпосылки предшествует принятие понятия действительности. Если есть это понятие, то есть и притязание на значимость, на истину. Так же, как и Харт, Хабермас выступает против ограничения смыслов языковых выражений с помощью сведения их к «изображающим» и «излагающим» структурам, игнорируя при этом их функцию выражать и осуществлять активность самих действующих субъектов. Хабермас не считает первичным субъект-объектное отношение в освоении мира человеком, поскольку оно так или иначе уже опосредовано включенностью субъекта в социум.

Так же, как не существует непреодолимой пропасти между «вещью самой по себе» и явлением, убежден Ю. Хабермас, не существует и непреодолимой пропасти между истиной и рациональной приемлемостью [3, с. 35]. Контекстом для субъекта всегда являются его жизненный мир и его коммуникация с другими субъектами. «Участники коммуникации могут находить взаимопонимание, переступая границы расходящихся жизненных миров, так как с помощью взгляда на общий для них объективный мир они ориентируются притязать на истину, то есть на безусловную значимость своих высказываний» [3, с. 37].

Критическая функция мышления проявляется не только при работе с аскриптивными выражениями; что-то аналогичное «отменяемости» присуще и действиям с дескрипциями. С другой стороны, важно отметить, что в концепции коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса присутствует и другая характеристика мышления, уравнивающая настоятельное требование критичности как поиска опровергающих («отменяющих») обстоятельств, а именно – позитивная направленность мышления, зафиксированная им в том числе и с помощью термина «вменяемость». Рациональность, с точки зрения Юргена Хабермаса, предполагает вменяемость как способность интенционально действующего субъекта при соответствующих обстоятельствах привести более или менее приемлемое основание, исходя из которого он вел себя и высказывался (реагировал) так, а не иначе [3, с. 37]. Соответственно, «кто не может взять на себя ответственность за свои действия и высказывания, вызывает подозрение, что он поступает «невменяемо» [3, с. 38].

Как видим, философы заимствуют из юриспруденции еще один термин – «вменяемость», – приписывая ему новый, обобщенный смысл; при этом наряду с понятием правила, которое столь важно для Харта, Хабермас опирается на философское понятие основания, в предметную область которого входят не только «техничко-практические», «морально-практические» основания, но и «эпистемические основания для истинности высказываний», «этические ... для аутентичности жизненных решений», «стандарты культурных ценностей», «притязания на право» и т.д. [3, с. 29]. Иными словами, любые акторы «фактически действуют на основаниях,

которые можно оправдать рационально» [3, с. 40]. Мы можем разочароваться, видя, как в действительности нарушаются все правила и игнорируются все основания. Хабермас уверен, что эти разочарования не отменяют правил и оснований – они лишь подтверждают последние, давая примеры «становления – непонятным непрозрачного поведения или разрыва коммуникации» [3, с. 41].

Дискурс как обмен основаниями, аргументация становятся центральным пунктом коммуникативной философии Ю. Хабермаса. «Дискурс должен позволять реализовать в полном объеме непринужденное давление лучшего аргумента» [3, с. 20]. А. Ермоленко хабермасовское понятие «zwanglosen Zwang des besseren Argumentes» предлагает переводить на украинский как «невимушений примус вагомішого аргументу» [4, с. 129]. Проблема точности перевода здесь решается в контексте прагматического аспекта коммуникативной философии, акцентирующего внимание на критериях приемлемости той интерпретации терминов, которая охватывает истинность, правильность, действенность и соответствие фундаментальным человеческим ценностям. Сочетание истинности и действенности образует значимость как весомость – качество, необходимое для успеха любого человеческого дела (познавательных и разнообразных иных практик).

Выводы. Анализ проблемы соотношения истинности и рациональной приемлемости не должен закончиться лишь констатацией их различия. Они действительно могут быть соотнесены с разными универсумами (знаний и действий), с разными отношениями (субъект-объектным и субъект-субъектным). Однако если на этих выводах остановиться, то философам придется нести ответственность за те практические следствия, к которым они приводят. В частности, за «незаметное» исчезновение понятия истинности из целого ряда теоретических и практических контекстов и замену его понятием рациональной (часто практической) приемлемости. В этом плане заслуживает внимания и развития позиция Ю. Хабермаса, обратившего внимание на «скрытые параметры» самой рациональной приемлемости. Речь идет о неявном, но фактически неизбежном использовании понятия истины как регулятива внутри сугубо деятельностных подходов, поскольку неустранимым в них является принятие понятия действительности. Истинность всегда рационально приемлема, а рациональная приемлемость явно или неявно всегда опирается на стремление к истинности как основание-регулятив любого действия.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Харт Г.Л.А. Приписывание ответственности и прав // Герберт Лайонел Харт. Философия и язык права. – М.: Канон+ РООН «Реабилитация», 2017. С. 27-52.
2. Кримінальний процес України. Навч. посібник. / Аленін Ю.П., Пашковський М.І., Лукашкіна Т.В. та ін. – Х.: Одіссей, 2010. – 328 с.
3. Хабермас Юрген. Между натурализмом и религией. Философские статьи / Юрген Хабермас; пер. с нем. М.Б. Скуратова. – М.: «Весь мир», 2011. – 336 с.
4. Кебуладзе В., Ермоленко А. Поняття комунікативної філософії і трансцендентальної прагматики // Філософ. думка, №4, 2017. С. 126-129.

Матеріал надійшов до редакції 01.04.2019 р.

ІСТИННІСТЬ І РАЦІОНАЛЬНА ПРИЙНЯТНІСТЬ

Анотація. У статті розглядається проблема співвідношення понять «істинність» і «раціональна прийнятність» за допомогою аналізу деяких ідей Г. Харта і Ю. Габермаса. Здійснений аналіз позицій, які представлені в філософії права Г. Харта і в концепції комунікативної філософії Ю. Габермаса. Також здійснена спроба осмислити ступінь відповідальності філософів за практичні наслідки тих теоретичних констатацій щодо співвідношення вказаних понять, які ними пропонуються.

Автор приходять до висновку, що не можна обмежуватися лише констатацією відмінності цих понять, в тому числі, констатацією їх співвіднесеності або з дескриптивним, або з недескриптивним способами вживання мови. Це призводить до витіснення поняття істинності і до заміни його поняттям раціональної прийнятності в багатьох практичних контекстах. А тим часом поняття раціональної прийнятності містить в собі імператив прагнення до істини як свій «прихований параметр».

Обгрунтовано, що аналіз проблеми співвідношення істинності та раціональної прийнятності не повинен закінчитися лише констатацією їх відмінності. Вони дійсно можуть бути співвіднесені з різними універсумами (знань і дій), з різними відносинами (суб'єкт-об'єктним і суб'єкт-суб'єктним). Показано, що якщо на цих висновках зупинитися, то філософам доведеться нести відповідальність за ті практичні наслідки, до яких вони призводять. Зокрема, за «непомітне» зникнення поняття істинності з цілого ряду теоретичних і практичних контекстів і заміну його поняттям раціональної прийнятності. Зазначено, що у цьому плані заслуговує на увагу і розвиток позиція Ю. Габермаса, який звернув увагу на «приховані параметри» самої раціональної прийнятності. Йдеться про неявне, але фактично неминуче використання поняття істини як регулятива всередині суто діяльнісних підходів, оскільки непереборним в них є прийняття поняття дійсності. Істинність завжди раціонально прийнятна, а раціональна прийнятність явно або неявно завжди спирається на прагнення до істинності як підстава-регулятив будь-якої дії.

Ключові слова: істинність, раціональна прийнятність, відмінність, осудність, комунікативна раціональність.

TRUTH AND RATIONAL ACCEPTABILITY

Abstract. The article deals with the problem of correlation between the concepts of "truth" and "rational acceptability" by analyzing some of the ideas of G. Hart and J. Habermas. There were analyzed the positions presented in the philosophy of G. Hart's law and in the concept of communicative philosophy by J. Habermas. An attempt has also been made to comprehend the degree of responsibility of philosophers for the practical consequences of those theoretical findings as to the relation of these concepts which they propose.

The author concludes that it is impossible to be limited only to the statement of differences of these concepts, including the statement of their correlation with either descriptive or non-descriptive ways of using language. This leads to the displacement of the notion of truth and to its replacement by the notion of rational acceptability in many practical contexts. Meanwhile, the notion of rational acceptability contains the imperative of striving for truth as its "hidden parameter".

It is justified that the analysis of the problem of correlation of truth and rational acceptability should not end only with the statement of their difference. They can indeed be correlated with different universes (knowledge and actions), with different relationships (subject-object and subject-subject). It is shown that if these conclusions are to be drawn, then the philosophers will have to be responsible for the practical consequences to which they lead. In particular, for the "imperceptible" disappearance of the concept of truth from a number of theoretical and practical contexts and its replacement by the concept of rational acceptability. It was noted that in this regard the development of J. Habermas, who drew attention to the "hidden parameters" of the most rational acceptability, deserves attention and development. It is an implicit but actually inevitable use of the notion of truth as a regulation within purely actionable approaches, since it is irresistible to accept the notion of reality. Truth is always rationally acceptable, and rational acceptability, explicitly or implicitly, always relies on the pursuit of truth as the basis-regulation of any action.

Keywords: truth, rational acceptability, cancellability, responsibility, communicative rationality.